

УДК 316.624.3

НЕЦИФРОВЫЕ И ЦИФРОВЫЕ МАРКЕРЫ РИСКА ВООРУЖЕННОГО НАПАДЕНИЯ НА УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

DOI: 10.25629/НС.2021.11.09

Бродовская Е.В.¹, Домбровская А.Ю.¹, Огнев А.С.², Лукушин В.А.¹, Давыдова М.А.¹

¹Финансовый университет при Правительстве РФ

²Российский новый университет

Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ 20-010-00998

Аннотация. В статье представлены результаты многолетних исследований маркеров предрасположенности подростков и молодежи к совершению терактов. На основе анализа итогов мониторинга социально-медийных потоков, содержащих маркеры деструктивного контента, а также серии фокус-групп с экспертами, школьными педагогами и психологами выделены показатели предрасположенности подростков и молодежи к совершению социально опасных/экстремистских действий. В число таких показателей вошли: особенности отношений в родительской семье; специфика отношений в учебном заведении; фокус интересов ребенка/подростка/молодого человека; определенные психологические и биографические особенности; свидетельства подготовки к вооруженному нападению; вовлеченность в аудиторию цифровых сообществ с деструктивным контентом и явным интересом к информации экстремистского и буллингового характера; усиление противоправной риторики в социальных медиа; изменение силы и плотности связей внутри и между сообществами с деструктивным содержанием. Статья представляет практический интерес для педагогов учебных заведений, психологов и исследователей сферы психосоциальных эффектов социально-медийной коммуникации.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, шутинг, предикторы противоправных действий, профилактика деструктивного поведения подростков и молодежи.

Постановка проблемы

Начиная с 2018 года Россия сталкивается с вооруженными нападениями учащихся на учебные заведения. Шутинг, с которым ранее столкнулись страны Латинской Америки, Северной Америки, Европы, становится нарастающей угрозой безопасности российских школ и вузов. Этому способствуют несколько факторов. Во-первых, цифровая эпоха, в условиях которой происходит производство и репликация деструктивного контента в социальных медиа. Во-вторых, отсутствие надёжных и апробированных методик и инструментов, позволяющих реализовывать превентивные меры в отношении данных рисков. В-третьих, дисфункциональность ряда институтов, прежде всего, школьной инфраструктуры психолого-педагогической поддержки детей и подростков, входящих в группу риска. В-четвёртых, отсутствие/неэффективность центров ответственности за мониторинг и предотвращение возникновения таких ситуаций, в том числе, и по цифровым следам. Экспертное сообщество разделилось на две группы, воплощающие в своих позициях основные модельные подходы к решению поставленной проблемы. Представители первой чаще всего говорят о долгосрочных изменениях в системе образования новых поколений – прежде всего в той его части, которая касается воспитания. Представители второй группы больше внимания уделяют решению оперативных задачи в режиме «здесь и сейчас» через создание институтов, механизмов, инструментов, которые обеспечивают минимизацию вероятности возникновения шутинга – стрельбы в общественном месте. Представленный в статье подход направлен на органичное объединение этих позиции. Он также базируется на data science – обработке больших массивов изначально неструктуриро-

ванной информации, которая в нашем случае была направлена на определение цифровых маркеров, благодаря которым можно заранее обнаружить и в результате этого обеспечить профилактику и предотвращение трагедий, подобных вооруженным нападениям на учебные заведения в Керчи (2018), Казани (2021), Перми (2021).

Теоретическая основа исследования

Теоретическая основа исследования представлена несколькими подходами к описанию причин различных девиаций. Прежде всего в их число был включен социологический подход, наглядным примером которого может служить теории аномии. В рамках этого подхода девиации рассматриваются как производные противоречивых социальных норм и правил (Э. Дюркгейм [1], Р. Мертон [2]). Также был учтен психологический подход, который связывает девиации с внутриличностными конфликтами, неосознанными психическими процессами, включающими взаимодействие сознательного и бессознательного компонентов психики (З. Фрейд [3]). Учитывался и биологический подход, в котором девиации изучают с позиции антропометрических, биологических, генетических и других физических аспектов (Ч. Ломброзо [4], У.Х. Шелдон [5]). Также была учтена теория стигматизации, в которой девиации рассматриваются с учетом навязываемых определенными социальными стандартами формами поведения (Г. Беккер [6]). Учитывалась и теория радикальной криминологии, ориентирующей исследователей на поиск причин девиантного (отклоняющегося от нормы) поведения в контактах с носителями ценностей отклоняющегося поведения (Э. Сатерленд [7]).

Учитывались и различные современные отечественные и зарубежные подходы к исследованию феномена скул шутинга. В их число вошли работы: К.В. Диденко, Л.Н. Бочарниковой, фокусирующих свое внимание на типологических особенностях личности несовершеннолетнего преступника [8]; Е.Г. Протопопова и Е.В. Казенная, изучающих психологические аспекты безопасности образовательной среды в контексте нападений на учебные заведения [9]; Карпова А.Ю., Н.Г. Максимова, занимающихся разработкой превентивных маркеров, которые позволяют через социально-медийную активность, мотивы, социальные связи выявлять потенциальных скул шутеров [10]; Е.А. Гусейнова, С.Н. Еникопова, изучающих влияние буллинга (от английского bullying – запугивание, издевательство) – систематического и продолжительного издеательства группы или одного человека над ребенком на агрессивность тогда, когда он становится подростком [11]. Среди зарубежных подходов как наиболее важные для данного исследования особо отметим: публикации М. Мур, К. Петри, А. Брага, сопоставляющих психологические и социологические факторы скул шутинга [13, 14]; работу Д. Килинджбек, в которой рассматривается влияние СМИ на девиантное поведение [15]; посвященную феномену «колумбайна» как наиболее показательного примера спланированного массового убийства в школе статью Д. Каллена [16].

Методология и методика исследования

Методологию исследования составили следующие подходы:

- сетевой подход (акторно-сетевая теория Б. Латур [17], отражающая идею относительно формирования и усиления акторов, прежде всего, во взаимодействии в сети);
- культурно-деятельностный подход (Л.С. Выготский [18] и Ю.М. Лотман [19]), позволяющий трактовать онлайн-сетевую коммуникацию в качестве дополнительного условия экстернизации и интериоризации);
- методология Predictor Mining как подход, позволивший осуществить интеллектуальный поиск цифровых маркеров формирования деструктивных установок подростков и молодежи в цифровой среде [20].

Методике исследования намеренно был придан гибридный характер с учетом эмпирической стратегии исследования, предполагавшей комбинацию методов, работающих как с реальной, так и цифровой средой. Это позволило использовать комбинацию таких методов, как:

- фокус-группы (10 фокус-групп по 10-15 педагогов/вожатых во всех федеральных округах РФ) в течение 2018-2020 годов;

– экспертное интервью (120 ведущих специалистов в сфере школьной психологии, социальных эффектов Интернет-коммуникации и девиантному поведению подростков) в течение 2018-2020 годов;

– ивент-анализ как разновидность изучения событийного ряда 3 случаев скулшутинга (стрельбе в школе, нападение на учебное заведение с применением огнестрельного оружия): Керчь (октябрь 2018 г.), Казань (май 2021 г.), Пермь (сентябрь 2021 г.).

– социально-медийный анализ (инструмент автоматизированного мониторинга «IQBuzz», датасет более 100 тысяч сообщений релевантных отобранным кейсам исследования, более 30 наиболее популярных социальных медиа).

Результаты

В первую очередь, необходимо рассмотреть маркеры, которые можно зафиксировать на основе анализа поведения в реальном пространстве. Несмотря на то, что каждый случай шутинга, можно рассматривать в качестве уникального, посредством сравнения кейсов крымского, казанского и пермского «стрелков» мы зафиксировали ряд сквозных характеристик их социально-психологического портретов. На основании изучения биографических данных, ивент-анализа, материалов аккаунтов в социальных медиа, принадлежащих «стрелкам», а также публикаций в традиционных СМИ, мы выделили систему маркеров, на которую необходимо обращать внимание родителям, педагогам, психологам, сверстникам.

Данная система включает в себя следующие компоненты:

- особенности отношений в родительской семье;
- специфика отношений в учебном заведении;
- фокус интересов ребенка/подростка/молодого человека;
- психологические характеристики, травмы, отклонения;
- признаки, свидетельствующие о подготовке к вооруженному нападению.

Важно подчеркнуть, что маркеры идентификации поведения группы риска необходимо рассматривать в совокупности и во взаимосвязи. Взятые по отдельности они становятся ординарными и не значимыми, тогда как в сумме те же маркеры сигнализируют о необходимости превентивных действий.

Особенности отношений в родительской среде. Во всех трёх исследуемых случаях мы имеем дело с так называемым «внешним благополучием», за которым скрывается отсутствие здоровых и принимающих отношений как между родителями, так и между родителями и детьми. Семьи «стрелков» из Керчи и Перми неполные с фрагментарными и формальными отношениями с отцом и отстраненной фигурой матери. В первом случае мать всецело посвятила себя секте, во втором случае мать предпочла «не видеть» психологических проблем и трудностей в социализации личности ребенка. Такой родитель компенсирует отсутствие подлинной связи и принимающих отношений тем, что идеализирует ребенка, нуждающегося в профессиональной помощи. Родители подростка из Казани оставили его один на один в ситуации кризиса и обострения проблем со здоровьем, сменив место жительства. Объединяет данные кейсы игнорирование со стороны родителей психологических проблем, травм, отклонений у ребенка, одиночество ребенка в семье. В этой ситуации подросток из группы риска выбирает шутинг как единственный способ привлечения внимания к себе. Как правило, ситуация усугубляется сложностями в создании и поддержании социальных связей и в других средах.

Специфика отношений в учебном заведении. Учителя, родители, сверстники «стрелков» зачастую отмечают их интроверсию, проявляющуюся как повышенная замкнутость и отчужденность от коллектива. Во всех анализируемых инцидентах есть основания полагать, что подростки столкнулись с травлей (буллинг) и переживали своего рода эксклюзию в учебной среде. В школах и вузах РФ до сих пор нет регламентов, программ, функциональных практик, продуцирующих культуру нулевой терпимости к буллингу и кибербуллингу. Результаты фокус-групповых интервью с учителями во всех субъектах Федерации (2018-2019 гг.) свидетельствуют о том, что доминирует тенденция, согласно которой у большей части представителей

педагогического сообщества не сформирована установка на субъектность в ситуации буллинга/кибербуллинга. Они просто не знают, что в этом случае надо делать и вообще не считают себя ответственными за решение подобного рода проблем. Администрации школ, в свою очередь, предпочитают замалчивать возникновение таких проблем, и включаются в их решение только под влиянием правоохранительных органов. И это происходит, несмотря на то, что по итогам массового опроса школьников в Ставропольском крае (2019-2020 гг., объем выборочной совокупности более 10 тыс. чел.), дети готовы обращаться за помощью к учителям и родителям. В школах/ссузах/вузах, как правило, отсутствуют специалисты, способные и по каким-либо инструкциям обязанные реализовывать мониторинг цифровых следы в социальных медиа. Ни педагоги, ни школьные психологи в Керчи, Казани, Перми вовремя не распознавали маркеры риска и поэтому не имели возможности повлиять на развитие ситуации.

Психологические характеристики, травмы, отклонения. Необходимо подчеркнуть, что родители и учителя зачастую не обладают компетенциями, позволяющими своевременно идентифицировать риски, особенно в цифровой среде. Но они могут обратить внимание на ряд психологических особенностей и разного рода отклонения, проявляющиеся в поведении подростков из группы риска. Во-первых, это нарциссические расстройства, которые наблюдаются у абсолютного большинства шутеров, для которых внимание «любой ценой»/популярность становятся конечной целью вооруженного нападения. Во-вторых, социопатия (готовность нарушить нормы), которая нередко сопровождает нарциссические расстройства. В-третьих, алекситимия и свойственный для нее сниженный уровень эмпатии, которые проявляют себя, прежде всего, через непонимание чувств других людей, холодный прагматизм, жестокость. Алекситимия является прямым следствием трудностей, с которыми ребенок изначально сталкивается в родительской семье при попытке выразить свои чувства, рассказать о своих переживаниях. Переживая раз за разом отсутствие принятия, поддержки, тепла, ребенок невольно формирует своего рода бесчувственность и характерные для нее паттерны поведения. В-четвертых, депрессивность и дереализация. Подростки из группы риска смотрят на мир сквозь «черные очки», постоянно испытывают разного рода разочарования. Их исключительная вовлеченность в Интернет-коммуникацию также способствует дереализации, т.е. эффекту психологического выпадения из реальной жизни.

Фокус интересов. Для решения обсуждаемой проблемы наряду с родителями, педагогами, психологами навыки идентификации рискованного поведения должны быть и у школьников. Тем более, что именно сверстники являются самой значимой референтной группой для подростков. Сверстникам подростков из группы риска в первую очередь важно обратить внимание на фокус их интересов. Среди них можно выделить следующие:

- компьютер как основной вид досуга и наличие нескольких анонимных аккаунтов в социальных медиа;
- специфика потребляемого Интернет-контента: культ силы, оружие.

Во всех рассматриваемых кейсах «стрелки» проявляли устойчивый интерес к проблематике шутинга, экстремизма, терроризма и делились этим со своими сверстниками. Более того, каждый последующий инцидент сопровождался многочисленными ссылками на предшествующий опыт. Это связано с тем, что в основе поведения «стрелков» лежит тяга к подражанию. Поэтому шутинг, как правило, запускает цепную реакцию подобного рода упоминаний и обсуждений в молодежной среде. В частности, преступник из Перми в своем обращении, размещённом в социальных медиа накануне вооруженного нападения активно ссылался на события мая 2021 г. в Казани. Сразу после трагедии в Перми фактически волновой характер приобрели сообщения о предотвращении террористических атак учащихся в Ярославле, Туле, Омске и др.

Признаки, свидетельствующие о подготовке к вооруженному нападению. Проведенные исследования показывают, что потенциальный шутер, как правило:

- делится своими планами с ближайшим окружением;
- приобретает оружие;
- жертвует ради приобретения оружия другими интересами;

- упорно тренируется без конкретной задачи;
- оставляет «манифест» в социальных медиа накануне реализации своего преступного замысла.

В связи с этим из-за роста интенсивности дестабилизирующих процессов (пандемия с ее ограничениями, массовыми протестами, нарочитым акцентированием вниманием на негативных последствиях и т.д.) усиливается необходимость диагностики предрасположенности к экстремистским действиям по цифровым следам. «Шутеры» известных событий 2017 и 2021 годов создали большой объем цифровых маркеров, своевременная реакция на которые могла бы предотвратить трагедии. Для этого целесообразно разделить подобные цифровые следы на маркеры микро- и макроуровня.

Микро-маркеры. На микроуровне цифровое сопровождение юных пользователей Интернета должно осуществляться силами родителей, классных руководителей, школьных психологов и других представителей педагогического сообщества.

Среди показателей микроуровня особого внимания заслуживают следующие маркеры предрасположенности к социально опасному поведению:

- размещение контента, дискриминирующего людей/группы/народы на основе их этнической и религиозной принадлежности;
- наличие подписок на онлайн-сообщества, распространяющие такой контент;
- интенсивная поддержка данного контента посредством лайков, репостов, ретвитов и т. д.;
- различные формы проявления сознания «осажденных в крепости»;
- перенос качеств одной личности на группу/народ/нацию;
- наличие друзей, разделяющих данные взгляды;
- инструктивный характер данного контента.

Макро-маркеры. На макроуровне следует выделить показатели, которые могут быть зафиксированы специальным программным обеспечением, работающем на основе маркерных речевых паттернов (словоупотреблений, появление которых в цифровом пространстве указывает на наличие у конкретного пользователя общественно опасных намерений). На основе таких паттернов специальное ПО может фиксировать следующие цифровые маркеры, требующие особого учета:

- резкий рост в социальных медиа объема информационных потоков, в которых репрезентированы паттерны призыва к совершению противоправных действий;
- существенное увеличение числа групп противоправной направленности, контент которых содержит призывы к совершению терактов;
- значительное расширение аудитории информационных потоков противоправного толка;
- увеличение плотности и силы связей между участниками деструктивных сообществ.

Одним из наиболее показательных индикаторов проявления интереса подростка/молодежи к противоправным действиям является вовлеченность в сообщества с деструктивным контентом. В таблице 1 представлена численность деструктивных групп в российском сегменте социальных медиа.

Анализируя характеристики информационного потока в Рунете, отражающего маркеры шутинга, отметим, что данный поток строится вокруг самого события, обеспечивает его новостное сопровождение, а также последующее обсуждение на разных уровнях: граждане, эксперты, федеральные и региональные представители органов государственной власти. Длительность обсуждения в среднем составляет около недели от дня произошедших событий. Впервые такую ситуацию мы можем увидеть после трагедии в Керчи в 2018 г., когда пик информационного потока достигается в день самого события. Затем интенсивность информационного потока постепенно снижаясь в течение недели (рис. 1). Таким же образом события повторяются и после трагичных событий в школе в Казани (рис. 2).

Таблица 1 – Вовлеченность российской аудитории в деструктивный контент социальных медиа (количество сообщений по данным агентства «Крибрум»)

Деструктивная тематика	Общее число последователей	Подростки
А.У.Е. (тюремная лексика)	10 911 000	1 624 900
Наркотики	612 700	89 900
Скулшутинг и призыв к насилию, убийствам	328 000	54 300
Кибербулинг	12 851 600	3 494 500
Суицидальные группы	166 000	66 600
Деструктивные (асоциальные)	316 000	69 700

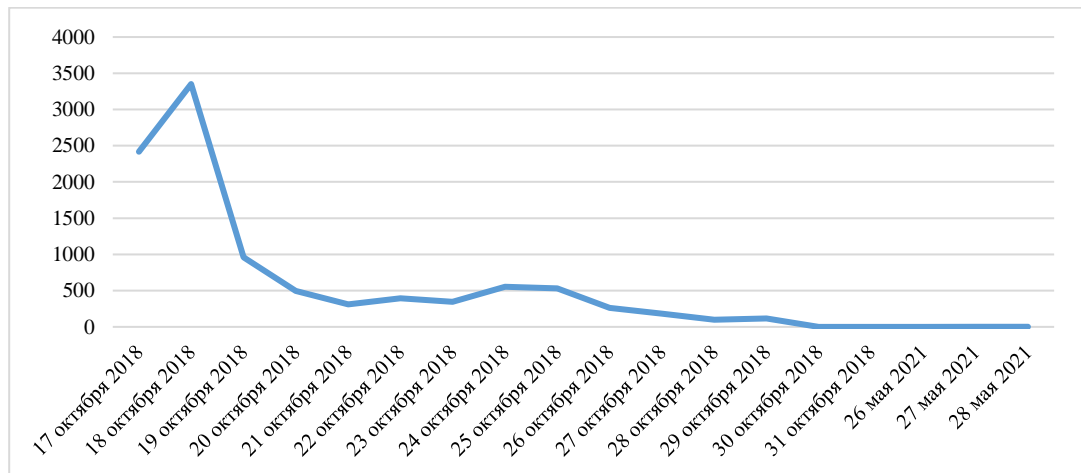

Рисунок 1 – Динамика информационных потоков о трагедиях в Керчи 2018 г.

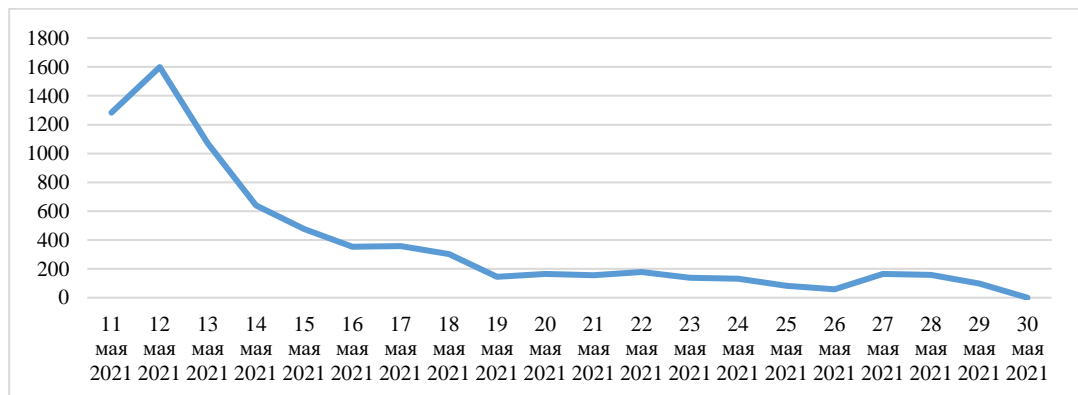

Рисунок 2 – Динамика информационных потоков о трагедии в Казани 2021 г.

Определенные отличия можно отметить в динамике информационного потока в Перми. На первый взгляд, мы видим, как интенсивность потока социальных медиа после трагедии начинает снижаться. Но затем начинают появляться все новые актуальные сценарии и вероятные планы нападения, что способствует пролонгации обсуждения данной проблематики в социальных медиа (рис. 3).

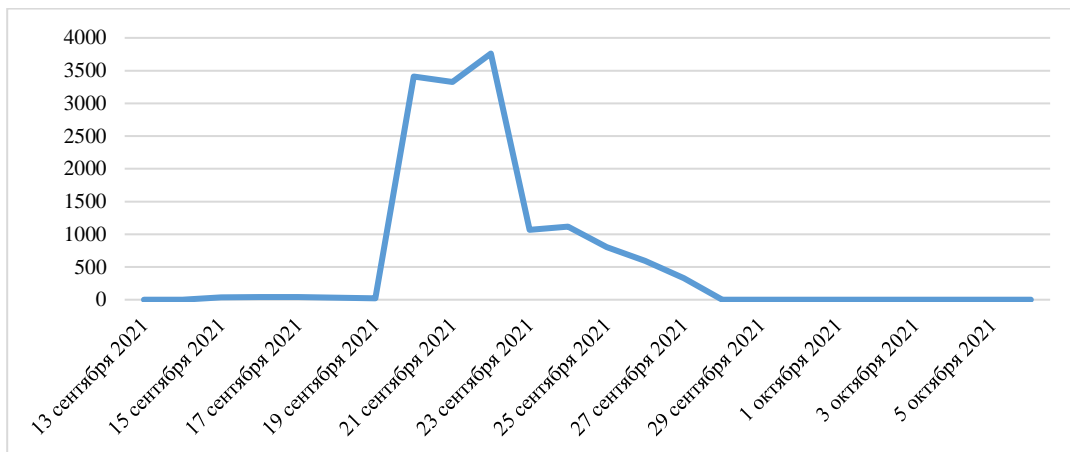

Рисунок 3 – Динамика информационного потока о трагедии в Перми 2021 г.

С одной стороны, отсутствие длительных обсуждений данной проблематики в социально-медийном пространстве позволяет существенным образом снизить возможность срабатывания триггера, «спускового крючка», для тех, кто склонен к подобным формам девиантного поведения. В то же время намеренное замалчивание экспертных оценок, прогнозов и дискуссий не позволяет создавать условия для поиска оптимальных эффективных решений, которые смогут предупреждать подобные трагедии.

Представленные выше примеры демонстрируют ряд общих моментов в том, кто и каким образом формирует информационные потоки о шутинге. Наиболее вовлеченными оказались пользователи в возрастных группах 26–35 и 36–45 лет (рис. 4). Высокая доля вовлеченности именно этих групп может объясняться их родительской социальной ролью. Кроме того, фактически эти группы, проявляющие наибольшую гражданскую активность, заинтересованы в высоком уровне социального порядка и включены в обеспечение безопасной среды для жизни всего сообщества. При этом полученные результаты показывают, что только 13% пользователей относятся к возрастной группе 16–25 лет (рис. 4). С одной стороны, данные результаты свидетельствуют о том, что молодежь в значительно меньшей степени вовлечена в обсуждение данной проблематики. И это можно рассматривать как положительный момент, если считать эту возрастную группу потенциальной аудиторией-мишенью для деструктивного информационного воздействия. В то же время необходимо учитывать, что значительная часть молодежной аудитории оказывается в роли зрителей, которые все же негативную информацию получают. Проблема здесь в том, что из-за отсутствия отклика остается непонятным то, к чему это может привести в будущем. Поэтому нельзя исключить, что для тех, кто склонен разного рода девиациям, такие события могут стать триггером или ролевой моделью, которые будут способствовать переходу неконструктивной активности из скрытого состояния в явное.

О наличии такой опасности свидетельствует тенденция к романтизации образов стрелков (например, в социальных медиа появляются посвященные им фан-аккаунты). И одной блокировки такой информации самими цифровыми платформами здесь мало. Дело в том, что на нее к этому моменту уже успевают среагировать сообщества с высоким мобилизационным потенциалом.

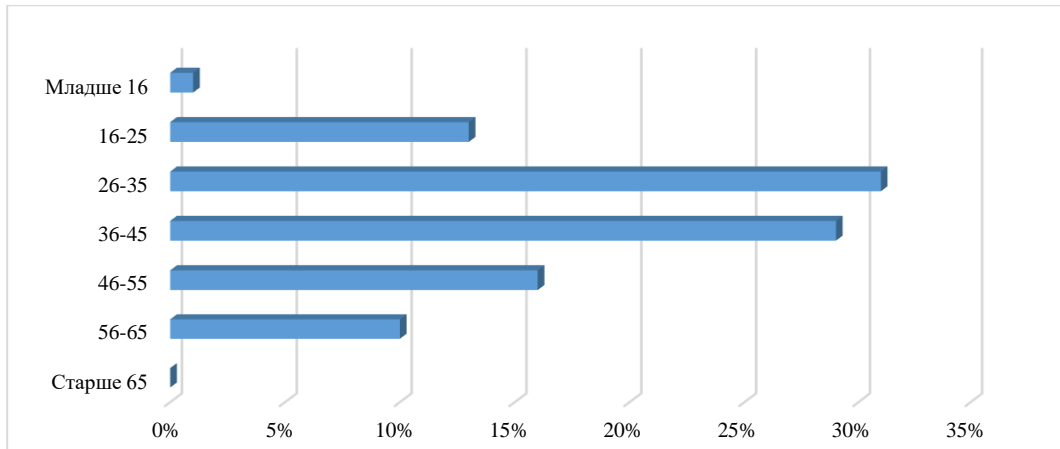

Рисунок 4 – Характеристика аудитории информационных потоков об актах «шутинга» в учебных заведениях в 2018–2021 г.

На рисунке 5 показан социальный граф, характерный для сообществ подобного типа. Представленный на рисунке социальный граф отражает структуру связей между участниками группы в социальных медиа. Каждому кругу на рисунке соответствует отдельный пользователь. Чем больше круг соприкасается с кругом данного участника, тем больше связей он имеет в данном сообществе. Наиболее крупными кругами на рисунке обозначены позиции лидеров мнений в сообществе.

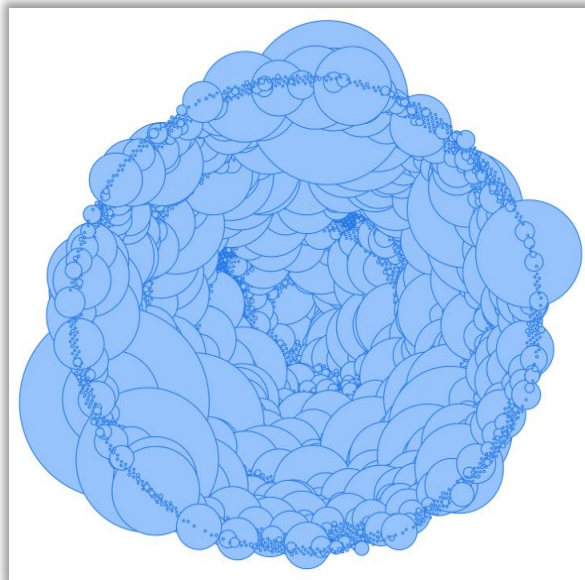

Рисунок 5 – Типичный граф сообщества с высоким мобилизационным потенциалом

Представленная на рисунке структура графа характерна для сообществ с большим числом влиятельных лидеров, осуществляющих систематическую и целенаправленную работу со своими подгруппами участников. Именно такие сообщества обладают самым большим потенциалом подготовки участников группы к противоправным действиям. В этой связи необходимо осуществлять постоянный анализ структуры, силы и плотности связей сообществ с социально опасной риторикой.

Показатели высокого резонанса в отношении экстремистского и буллингового материалов, усиление противоправной риторики в социальных медиа, изменение силы и плотности связей внутри и между сообществами с деструктивным содержанием – это те маркеры, которые должны привлечь внимание педагогов, представителей органов власти и правоохранительных сил к конкретным кейсам, учебным заведениям и пользователям.

В качестве одного из механизмов предупреждения и профилактики вооруженных нападений на образовательные учреждения наряду со результатами анализ социальных медиа также целесообразно использовать современные методы когнитивной инструментальной диагностики. В частности, перспективным представляется использование окулометрического анализа. Данный тип анализа позволяет выявить особенности восприятия респондентом определенных визуальных стимулов за счет фиксации движения зрачка глаза. В ходе анализа можно зафиксировать не только повышенный интерес человека к определенному набору объектов посредством портативного айтрекера, но и его действительное отношение к нему за счет доступа к неосознаваемым составляющим их жизненных сценариев и актуальных установок [21].

Изначально айтрекинговые исследования применялись в маркетинге для анализа потребительского поведения и особенностей восприятия различных товаров и услуг, в эргономике для определения особенностей работы оператора и в спорте для выявления особенностей ориентировки спортсменов. В наши дни айтрекинг активно используется в прикладных социально-политических исследованиях в качестве вспомогательного инструмента в ходе семантического анализа реакций респондентов на различные виды визуального контента [22]. В ходе профилактики скулшутинга за счет окулометрических показателей зрения можно проводить более глубокий анализ данных, полученных в ходе автоматизированного мониторинга социальных медиа. Окулометрический анализ, совмещенный с фокусированным интервью помогает проверять предположения о соответствии/несоответствии цифровым и нецифровым маркерам предрасположенности молодых людей к шутингу, а также прогнозировать сценарии поведения в потенциально опасных ситуациях.

Можно предложить использование следующих направлений окулометрического анализа, апробированных ранее исследовательской группой:

- оценка восприятия специального цифрового контента, прямо или косвенно относящегося к тематике скулшутинга;
- оценка текущего эмоционального состояния;
- оценка предрасположенности к протестному поведению, степени конформности, проявлениям радикализма;
- оценка психофизиологических характеристик, склонностей к стрессу, депрессиям, суицидальному поведению.

Не меньшим потенциалом в плане своевременного выявления и эффективной профилактики девиантного поведения обладают и различные виды игрового моделирования как форма организации учебных занятий. Примером этого может служить игровое песочное моделирование (ИПМ), которое подразумевает построение на песке с помощью игрушечных миниатюр таких композиций, которые ассоциируются у человека с какими-то событиями (достижением своей мечты, важными переговорами, ответственное выступление, проведение учебного занятия, реализация сложного проекта, трудоустройство, реорганизация и т.п.) или сторонами его жизни (важная для этого человека организация, взаимодействие с соседями, его трудовой коллектив, учебная группа и т.д.). В ходе выбора подходящей игрушечной миниатюры, ее размещения в песочном контейнере-подносе намечающиеся в виде едва уловимых образов решение обретает материализованное выражение и может быть более-менее отчетливо зафиксировано. Посредством миниатюр, играющих роль своего рода «переходных объектов», и работы с ними некоторые существующие на досимволическом уровне составляющие психики создающий песочную композицию человек преобразует в ряд интуитивно понятных ему символов – в то, что он в состоянии постигать и на уровне переживаний, и на уровне осознания. Будучи «интервенцией

низкого риска», ИПМ может быть без особого труда освоено не только работающими в различных учебных заведениях психологами, но и педагогами различного профиля, преподавателям-предметниками, тьюторами, коучами и социальными работниками. Простота и широкая доступность используемых в таком моделировании средств позволили, например, Китаю быстро оборудовать предназначенные для него помещения даже в обычных сельских школах. Богатый опыт практического использования различных форм и методов работы с песочными композициями в консультировании и коррекционной работе, незначительные расходы на оборудование кабинетов для ИПМ позволяют надеяться на то, что этот метод при наличии политической воли к его применению может в кратчайшие сроки стать ценной составляющей системы обеспечения безопасности образовательной деятельности любого рода.

Аналогичным образом может быть организована работа и с различными видами ассоциативных метафорических карт, которые, как и игровое песочное моделирование, успешно могут сочетаться с оперативной кардиоколуметрической детекцией жизненных сценариев и актуальных установок учащихся [23].

Заключение

Подводя итоги исследования, прежде всего укажем основные маркеры предрасположенности подростков и молодых людей к совершению противоправных действий и отметим ключевые индикаторы формирования деструктивных установок у молодого поколения в социальных медиа.

Особые семейные обстоятельства: неполная семья, формальное общение с отцом/отсутствии общения, отстранение матери от жизни семьи, одиночество ребенка в семье, внешнее благополучие в сочетании с игнорированием психологических проблем какого-либо из входящих в ее состав детей.

Особенности школьной среды: ограниченный круг общения, травля (буллинг) ребенка другими учениками, терпимое/формальное отношение к буллингу со стороны учителей, замалчивание сложных ситуаций, отсутствие помощи со стороны психолога и отсутствие помощи/непрофессиональные действия педагогов.

Особые увлечения и интересы: компьютер как основной вид досуга, культ силы, интерес к оружию, устойчивый интерес к информации о шутинге, сведениям об экстремизме, терроризме в сочетании с наличием нескольких анонимных аккаунтов в социальных медиа.

Психологические особенности: нарциссические расстройства, социопатия, депрессивность и дереализация, алексетимия, сниженный уровень эмпатии.

Признаки подготовки к нападению: стремление поделиться своими мыслями о готовящемся нападении с ближайшим окружением; действия, направленные на приобретение и применение оружия; подготовка и размещение в социальных медиа своего рода манифеста с обозначением цели и смысла планируемых действий экстремистского характера перед началом их реализации.

На уровне Интернет-коммуникации конкретного подростка/молодого человека необходимо фиксировать такие опасные сигналы, как вовлеченность в сообщества с явной деструктивной направленностью, размещение в персональных аккаунтах материалов экстремистского, террористического толка, интенсивная поддержка сообщений данной направленности посредством лайков, репостов, ретвитов и т. д. Также как тревожные сигналы нужно воспринимать увеличение объема деструктивной риторики в социальных медиа, численный прогресс групп противоправной направленности, уплотнение и усиление связей между участниками экстремистских сообществ.

На основе описанной системы маркеров в дальнейшем планируется создание методики мониторинга цифровых и нецифровых проявлений предрасположенности подростков и молодых людей к совершению терактов. Такая методика должна включать следующие способы фиксации данных и оценки потенциальной угрозы: автоматизированную фиксацию цифровых мар-

керов деструктивных информационных потоков, вычленение лидеров и центров общественного мнения, регистрацию индикаторов предрасположенности конкретных пользователей к совершению теракта. В ней могут быть использованы: окулометрия (фиксация реакции зрачка студентов на деструктивный контент) для диагностики отклоняющегося поведения; профайлинг на основе изучения персональных аккаунтов в социальных сетях; контент-анализ видеоматериалов как составная часть системы безопасности. Для ее внедрения должны быть созданы эффективные методики повышения квалификации и переподготовки школьных психологов, учителей, тьютеров и социальных работников, направленные на формирование умения обнаруживать маркеры рискованного поведения обучающихся и повышение готовности к его оперативной коррекции и регулярной профилактики.

Библиография

1. Дюркгейм Э. Самоубийство. // Суицидология: Прошлое и настоящее: Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. – М., 2001. 568 с.
2. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). – М.: Прогресс, 1966. – С. 299–313.
3. Фрейд, З. Печаль и меланхолия. // Суицидология: Прошлое и настоящее: Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. – М., 2001.
4. Lombroso, C. Crime: Its causes and remedies. – Boston: Little, Brown, 1911.
5. Sheldon, W. H. The varieties of human physique. – New York: Harper & Row, 1940.
6. Беккер, Г. Человеческое поведение: экономический подход / Г.Беккер. – М.: ГУ ВШЭ, 2003.
7. Sutherland E. H. Criminology. – Chicago: University of Chicago Press, 1924.
8. Диденко К.В., Бочарникова Л.Н. «Колумбайнеры» - новый тип личности несовершеннолетнего преступника // Современный ученый. – 2020. – №5. – С. 267–273.
9. Протопопа Е.Г., Казенная Е.В. Нападения на учебные заведения: феномен «скул шутинг» и психологические аспекты безопасности образовательной среды // Образование личности. – 2019. – №1. – С. 12-19.
10. Карпова А.Ю., Максимова Н.Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. – 2021. – №1. – С.93-108.
11. Гусейнова Е.А., Ениколопов С.Н. Влияние позиции подростка в буллинге на его агрессивное поведение и самооценку // Психолого-педагогические исследования. – 2014. – № 2. – С. 246–256.
12. Moore M.H., Petrie C.V., Braga A.V., McLaughlin B. Deadly Lessons: Understanding Lethal School Violence. – Washington, 2003. 400 p.
13. Langman P. School shooters: Understanding high school, College, and adult perpetrators. – Rowman&LittleField. – 2015. – P. 1–4.
14. Langman P. Multi-Victim School Shootings in the United States: A Fifty-Year Review. – schoolshooters.info. – 2016. – P. 1-11.
15. Killingbeck D. The role of television news in the construction of school violence as a «moral panic» // Journal of Criminal Justice and Popular Culture. – 2001. – №8(3). – P. 186–202.
16. Cullen D. Columbine. – N.Y.: Hachette Book Group, 2009. 432 p.
17. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. – N.Y.: Oxford University Press, 2005. 301 p.
18. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1-6. – М., 1982-1984.
19. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста. Избранные статьи. Т.1. – Таллинн, 1992. 479 с.

20. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Азаров А.А., Карзубов Д.Н. Развитие методологии и методики интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов в социальных медиа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2017. – №5(141). – С. 79-104

21. Огнев А.С., Петровский В.А., Лихачева Э.В. Окулометрические проявления психологических установок респондентов в отношении восприятия визуального контента // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2018. – №2. – С. 41-48.

22. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Лихачева Э.В., Николаева Л.П., Огнев А.С., Парма Р.В. Окулометрические проявления сценарных факторов в стремлении к протестному поведению // Человеческий капитал. – 2021. – № 9(153). – С. 67-72.

23. Батколина В.В., Зернов В.А., Лихачева Э.В., Лобанова Е.В., Николаева Л.П., Огнев А.С. Использование кардиометрических и окулографических методов в подготовке специалистов психолого-педагогического профиля (на примере песочного моделирования) // Высшее образование сегодня. – 2021. – №5. – С. 71-80.

NON-DIGITAL AND DIGITAL MARKERS OF THE RISK OF ARMED ATTACK TO EDUCATIONAL INSTITUTIONS

DOI: 10.25629/HC.2021.11.09

Brodovskaya E.V.¹, Dombrovskaya A.Yu.¹, Ognev A.S.², Lukushin V.A.¹, Davydova M.A.¹

¹Finance University under the Government of the Russian Federation

²Russian New University

The study was carried out within the framework of the RFBR scientific project 20-010-00998

Abstract. The article presents the results of many years of research into markers of the predisposition of adolescents and young people to committing terrorist acts. Based on the analysis of the results of monitoring social media flows containing markers of destructive content, as well as a series of focus groups with experts, school teachers and psychologists, indicators of the predisposition of adolescents and young people to committing socially dangerous / extremist actions were identified. These indicators included: peculiarities of relations in the parental family; the specifics of relations in an educational institution; focus of interests of the child / adolescent / young person; certain psychological and biographical features; evidence of preparation for an armed attack; engagement in the audience of digital communities with destructive content and a clear interest in information of an extremist and bullying nature; increased illegal rhetoric on social media; changes in the strength and density of connections within and between communities with destructive content. The article is of practical interest for teachers of educational institutions, psychologists and researchers in the field of psychosocial effects of social media communication.

Key words: extremism, terrorism, shooting, predictors of illegal actions, prevention of destructive behavior of adolescents and young people.